

Истина, вера, человеческий род проходят бесследно, их забывают, память о них исчезает.

За исключением тех немногих, кто принял истину, разделил веру или полюбил этих людей.

Джозеф Конрад. Юность

Роман основан на реальных событиях, места и персонажи существуют на самом деле, однако большая часть сюжета и действующих лиц принадлежит к вымышленной реальности, созданной автором.

Представить себе дуэль на рассвете в Париже конца XVIII века не так сложно. На помощь придут прочитанные книги и просмотренные фильмы. Описать ее на бумаге сложнее. А использовать как зачин для романа по-своему даже рискованно. Задача состоит в том, чтобы заставить читателя увидеть то, что видит — или воображает — автор. Для этого надо сделаться чужими глазами — глазами читателя, а затем незаметно удалиться, оставив его один на один с историей, которую ему предстоит узнать. Наша история начинается на лугу, покрытом утренним инеем, в размытом сероватом свете; необходимо добавить сюда и туманную дымку, не слишком густую, сквозь которую в брезжущем свете рождающегося дня смутно проступают очертания рощи, окружающей французскую столицу, — сегодня большинства ее деревьев уже не существует, а оставшиеся оказались в городской черте.

Теперь представим себе персонажей, дополняющих мизансцену. В первых лучах рассвета виднеются две человеческие фигуры, слегка размытые утренней дымкой. Чуть поодаль, ближе к деревьям, возле трех запряженных лошадьми экипажей — другие фигуры: это мужчины, закутанные в плащи, в надвинутых до бровей треуголках. Их около полудюжины, однако их

присутствие не так важно для основной мизансцены; так что на какое-то время мы их покинем. Куда важнее сейчас те двое, застывшие неподвижно один подле другого на мокрой траве луга. Они в облегающих брюках до колен и рубашках, поверх которых нет ни камзола, ни сюртука. Один худ, высок ростом — особенно для своей эпохи; седые волосы собраны на затылке в небольшой хвост. Другой — среднего роста, волосы завиты, уложены на висках локонами и припудрены по последней моде тогдашнего времени. Ни один из этих двоих не выглядит юношей, хотя расстояние не позволяет утверждать это с уверенностью. А посему давайте приближимся. Посмотрим на них повнимательнее.

Предмет, который каждый из них держит в руках, — не что иное, как шпага. Похожа на учебную рапиру, если не присматриваться. А дело, по всей видимости, серьезное. Очень серьезное. Эти двое все еще стоят неподвижно на расстоянии трех шагов друг от друга, пристально глядя перед собой. Может показаться, что они размышляют. Возможно, о том, что вот-вот произойдет. Их руки свисают вдоль тела, и кончики шпаг касаются травы, покрытой инеем. У того, который пониже — вблизи он выглядит и моложе, — вид надменный, демонстративно-презрительный. Внимательно изучая соперника, он будто бы желает продемонстрировать свою статью и осанку кому-то еще, кто смотрит на него со стороны рощи, окружающей луг. У другого мужчины — он выше ростом и явно старше по возрасту — глаза водянисто-голубые, меланхоличные, они словно вобрали в себя влажность холодного утра. На первый взгляд может показаться, что глаза эти изучают человека, стоящего напротив, но, если мы заглянем в них, нам станет очевидно, что это не так. На самом деле взгляд их рассеян, отрешен. И если бы человек, стоящий напротив, пошевелился или изме-

нил позу, эти глаза, вероятно, по-прежнему смотрели бы перед собой, ничего не замечая, равнодушные ко всему, устремленные к другим картинам, различимым только для него одного.

Со стороны экипажей, ожидающих под деревьями, доносится чей-то голос, и двое стоящих на лугу мужчин медленно поднимают свои клинки. Они коротко приветствуют друг друга — один из них подносит гарду к подбородку — и снова встают на изготовку. Тот, что пониже ростом, ставит свободную руку на бедро, принимая классическую позицию для фехтования. Другой, повыше, с водянистыми глазами и хвостом на затылке, выставляет перед собой оружие и поднимает другую руку, согнутую в локте почти под прямым углом. Пальцы расслаблены и устремлены чуть вперед. Наконец клинки осторожно соприкасаются, и тонкий серебряный звон плывет в холодном утреннем воздухе.

Однако настало время рассказать историю. Сейчас мы узнаем, что привело героев на этот луг в столь ранний утренний час.

1. ДВОЕ: ВЫСОКИЙ И ТОЛСТЯК

Истинное удовольствие слышать, как они беседуют о математике, современной физике, естественной истории, правах человека, а также античности и литературе, иной раз допуская больше недосказанностей, чем если бы речь шла об изготовлении фальшивых денег. Они живут тайком и умирают так же, как жили.

Х. Кадальсо. *Марокканские письма*

Я обнаружил их случайно в дальнем углу библиотеки: двадцать восемь увесистых томов в переплете из светло-коричневой кожи, слегка потертой и попорченной временем — их как-никак использовали два с половиной века. Я не знал, что они там, — на этих стеллажах мне понадобилось что-то совершенно другое, — как вдруг меня привлекла надпись на одном из корешков: «*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné*»¹. Самое первое издание. То, что начало выходить в 1751 году и чей последний том увидел свет в 1772-м. Конечно, я знал о ее существовании. Как-то раз лет пять назад я даже чуть было не приобрел эту энциклопедию у своего друга — собирателя старинных книг Луиса Бардона, который готов был уступить мне ее в том случае, если клиент, с которым они предварительно договорились, внезапно передумает. Но, к несчастью, — или, наоборот, к счастью, поскольку цена была заоблачная, — клиент ее купил. Это был Педро Х. Рамирес, в то время редактор ежедневной газеты «Эль Мундо». Как-то вечером, ужиная у него дома, я заметил эти тома в его библиотеке — они красовались на самом видном месте. Владелец был в курсе моей несостоявшейся сделки с Бардоном и подшучивал

¹ Энциклопедия, или Толковый словарь (*фр.*).

по этому поводу. «Не отчаивайтесь, дружище, в следующий раз повезет», — говорил он мне. Однако следующий раз так и не наступил. Это большая редкость на книжном рынке. Не говоря о том, чтобы приобрести все собрание целиком.

Так или иначе, в то утро я увидел ее в библиотеке Испанской Королевской академии — вот уже двенадцать лет она занимала полку под литерой «Т». Передо мной было произведение, ставшее самым захватывающим интеллектуальным приключением XVIII века: первая и абсолютная победа разума и прогресса над силами тьмы. Тома издания включали в себя 72 000 статей, 16 500 страниц и 17 миллионов слов, отражающих самую передовую мысль эпохи, и были в итоге осуждены католической церковью, а их авторам и издателям грозили тюремное заключение и даже смертная казнь. Каким образом произведение, столь долго входившее в «Индекс запрещенных книг», добралось до этой библиотеки, спрашивал я себя? Как и когда это случилось? Солнечные лучи, льющиеся в библиотечные окна, ложились на пол сияющими квадратами, создавая атмосферу полотен Веласкеса, а позолоченные корешки двадцати восьми старинных томов, теснившихся на полке, поблескивали таинственно и маняще. Я протянул руку, взял один том и открыл титульную страницу:

ENCYCLOPÉDIE,
OU
DICTIONNAIRE RAISONNÉ
DES SCIENCES, DES ARTS ET DES MÉTIERS,
PAR UNE SOCIÉTÉ DE GENS DE LETTRES.
TOME PREMIER
MDCCLI
AVEC APPROBATION ET PRIVILEGE DU ROY¹

¹ Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел, написано сообществом просвещенных людей, том первый, с разрешения и по королевской привилегии, 1751 год (*фр.*).

Две последние строчки вызвали у меня усмешку. Через сорок два года после этого обозначенного латинскими цифрами MDCCCLII года, то есть в 1793 году, внук того самого *roy*¹, который дал разрешения и привилегии для публикации первого тома, был казнен с помощью гильотины «на публичной площади» Парижа во имя тех самых идей, которые, вырвавшись со страниц его же Энциклопедии, воспламенили Францию, а вслед за ней — добрую половину мира. Странная штука жизнь, подумал я. У нее очень своеобразное чувство юмора.

Я перевернул наугад несколько страниц. Девственнобелая, несмотря на возраст, бумага казалась только что вышедшей из типографии. Старая добрая хлопковая бумага, подумал я, неподвластная ни времени, ни человеческой глупости, как отличается она от едкой современной целлюлозы, которая за считанные годы желтеет, делая страницы ломкими и недолговечными. Я поднес книгу к лицу и с наслаждением вдохнул запах старой бумаги. Даже пахнет по-особому: свежестью. Я закрыл том, вернул его на полку и вышел из библиотеки. В то время меня занимало множество других дел, но двадцать восемь томов, скромно стоящих на полке в дальнем углу старого здания на улице Филиппа Четвертого в Мадриде среди тысячи других книг, не выходили у меня из головы. Позже я рассказал о них Виктору Гарсия де ла Конча, почетному директору, которого встретил около гардероба в вестибюле. Он подошел сам. У него было ко мне другое дело — ему для научных штудий понадобилась статья о воровском аргю в произведениях Кеведо, — но я быстро перевел разговор на то, что интересовало в тот момент меня самого. Гарсия де ла Конча только что завершил «Историю Испанской Королевской ака-

¹ Король (*фр.*).

демии», и подобные вещи были еще свежи в его памяти.

— В каком году Академия получила Энциклопедию?

Кажется, вопрос несколько удивил его. Потом он взял меня под руку со свойственной ему изысканной деликатностью, которая в продолжение всего его правления без труда утихомиривала любые склоки и распри в братстве академий испаноязычного мира — так, повлиять на мексиканцев, вздумавших издавать свой собственный словарь, было сложнее, чем сплести кружево на коклюшках; не менее сложно было убедить банковский фонд профинансировать издание Полного собрания сочинений Сервантеса, посвященное четырехсотлетию написания «Дон Кихота». Вероятно, именно по этой причине мы переизбирали его несколько раз подряд, пока позволял возраст.

— Честно сказать, я не очень в курсе, — ответил он, пока мы шли по коридору к его кабинету. — Помоему, у нас она приблизительно с конца восемнадцатого века.

— А кто может рассказать об этом подробнее?

— А почему тебя это так заинтересовало, прости мое любопытство?

— Сам не знаю.

— Роман?

— Пока об этом рано говорить.

Он пристально посмотрел на меня своими пронзительными синими глазами. Иногда, чтобы подразнить коллег по Академии, я завожу разговор о романе. На самом деле я не собираюсь писать ничего подобного, но в шутку люблю пригрозить, что они все окажутся на его страницах. Называется он «Очищай, убивай, озаряй»: это история о преступлениях с участием призрака Сервантеса, который бродит по нашему зданию, однако видят его только консьержи. По сюжету

всех членов Академии убивают одного за другим, начиная с профессора Франсиско Рико, нашего блестящего специалиста по Сервантесу. Этот будет убит в первую очередь: его повесят на шнуре для гардин в банкетном зале.

— Ты ведь не имеешь в виду этот твой роман об убийствах? Тот, где...

— Нет, не беспокойся...

Гарсиа де ла Конча, человек в высшей степени деликатный и сдержанный, вздохнул с облегчением. Но облегчение это было слишком хорошо заметно.

— Мне очень понравилась твоя последняя книга, «Мурсийский танцор». Она, как бы это сказать...

Он был замечательный директор. И славный малый. Окончание фразы повисло в воздухе, предоставляя мне отличную возможность скромно пожать плечами.

— Мирской.

— Что, прости?

— Он назывался «Мирской танцор».

— Ах да... И как это я запомнил? Даже президент появился прошлым летом в журнале «Ола!», лежа в гамаке с экземпляром твоего романа. Помнишь? В Захара-де-лос-Атунес.

— Скорее всего, журнал купила его супруга, — возразил я. — Сам-то он ни одной книги за всю жизнь не прочел.

— Дорогой мой, разве можно так говорить? — Гарсиа де ла Конча улыбнулся с напускным возмущением, которого формально требовало мое замечание. — Разве можно?!

— Ты видел его хоть раз в какой-нибудь культурной программе? На театральной премьере? В опере? На обсуждении фильма?

— Разве можно...

Последнюю фразу он произнес в кабинете, пока мы усаживались в кресла. Солнце по-прежнему влива-

лось в окна, и мне пришло в голову, что истории, которые хочется рассказать, в такие дни овладевают нами полностью и уже не отпускают. Кто знает, сказал я себе, вдруг этот случайный разговор будет мне стоить ближайших пару лет жизни? В таком возрасте сюжетов для книг больше, чем свободного времени. Выбрать один означает умертвить все остальные. Выбирать надо с осторожностью: ошибиться никак нельзя.

— И больше ты ничего не знаешь?

Он пожал плечами, вертя в руках ножичек для разрезания бумаги, сделанный из слоновой кости, — такие ножички он имел обыкновение держать у себя на столе: на рукоятке были выгравированы те же герб и девиз, что и на медалях, которые мы надеваем во время торжественных событий. Со дня своего основания в 1713 году Испанская Королевская академия живет своими традициями: это включает в себя ношение галстука внутри здания, обращение друг к другу на «вы» и прочее. Дикий обычай не допускать на заседания женщин остался в далеком прошлом; их все чаще можно встретить на планерках по четвергам. Мир изменился, и наша Академия тоже. Сейчас это всего лишь приличное гуманитарное заведение, и академиками считаются лишь члены ректората. Старый образ мужского клуба, где заседают побитые молью старички-эрудиты, — не более чем избитое клише.

— Припоминаю, что дон Грегорио Сальвадор, наш декан-академик, однажды рассказывал мне про это, — немного поразмыслив, проговорил Гарсиа де ла Конча. — Путешествие во Францию за книгами или что-то в этом духе...

— Странно, — удивился я. — Ты говоришь, что это случилось в конце восемнадцатого века, однако в Испании Энциклопедия была в то время запрещена. Да и гораздо позже тоже.

Гарсиа де ла Конча наклонил голову, поставил локти на стол и посмотрел на меня поверх сплетенных

пальцев. Как обычно, его глаза взирали на действия другого человека с тайной мольбой, прося об одном: чтобы их хозяину не осложняли жизнь.

— Может быть, Санчес Рон, библиотекарь, сумеет тебе помочь, — произнес он наконец. — Он занимается архивами, а в них хранятся протоколы всех заседаний от самого основания Академии. Если кто-то ездил за книгами, об этом сохранилась запись.

— Однако, если это сделали тайно, записей не осталось.

Он улыбнулся.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Академия всегда пользовалась поддержкой самого короля и держалась независимо, хотя случалось ей пережить и трудные времена. Вспомни Фердинанда Седьмого или диктатора Примо де Риверу, который пытался прибрать ее к рукам... Или когда во времена гражданской войны Франко приказал заполнить новыми членами пустующие места академиков-республиканцев, изгнанных из страны, однако Академия наотрез отказалась это сделать: кресла оставались пустыми, пока изгнанники не умерли или не вернулись в Испанию.

Мне пришло в голову, что история эта на самом деле гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд: наверняка в ней много превратностей и непредвиденных поворотов. А ведь это, подсказывало мне чутье, неплохой сюжет!

— Вот было бы занятно, — предположил я, — если бы книги все-таки прибыли сюда тайно.

— Не знаю. Я никогда про это не думал. Если судьба этих книг так тебя интересует, сходи к библиотекарю и попытай счастья у него... Или навести дона Грегорио Сальвадора.

Так я и сделал. К этому часу мое любопытство было возбуждено до крайней степени. Я начал с Диарио Вильянуэва, директора нашей институции. Как вся-

кий галисиец при исполнении — кем он, в сущности, и являлся, — он задал мне сто один вопрос, не ответив при этом ни на один из тех, что задал ему я. Его тоже интересовал мой несуществующий роман об убийствах, и когда я сказал ему, что в нем погибает профессор Рико, он немедленно потребовал назначить убийцей его. Ему было все равно, чем задушить жертву — шнуром от гардин или струной от гитары.

— Ничего не могу обещать, — ответил я. — На Пако выстроилась целая очередь: все хотят быть его убийцей.

Он посмотрел на меня с мольбой, положив руку мне на плечо.

— Сделай все, что от тебя зависит. Обещаю собственноручно проставить ударения над указательными местоимениями!

Затем я отправился к Мануэлю Санчесу Рону, библиотекаря. Это был высокий худой тип с седыми волосами и умными глазами, которые смотрят на мир с холодной проницательностью. Мы стали академиками почти в одно и то же время и были приятелями. Он занимается в Академии научной работой и имеет степень профессора истории науки, однако исполняет обязанности библиотекаря. Это подразумевает ответственность за такие сокровища, как первое издание «Дон Кихота», бесценные манускрипты Лопе де Веги или Кеведо и прочие раритеты, которые хранились в подвале в несгораемом шкафу.

— Энциклопедия появилась в конце восемнадцатого века, — заверил он меня. — Это совершенно точно. Разумеется, она была запрещена как во Франции, так и в Испании. Однако там запрет был формальным, у нас же — абсолютным.

— Меня интересует, кто ее привез. Как он просочился сквозь фильтры своей эпохи... Как доставили эти книги в нашу библиотеку.

На секунду он задумался, покачиваясь на стуле, до половины скрытый стопками книг, которыми была заставлена вся поверхность его рабочего стола.

— Наверняка вопрос обсуждали на заседании, как и все прочие дела, — предположил он. — Вряд ли такое важное решение было принято без согласия всех академиков... Так что где-нибудь должен быть протокол, в котором это зафиксировано.

Я насторожился, как охотничий пес, учуявший дичь.

— А мы не могли бы посмотреть в архивах?

— Конечно могли бы. Но большинство протоколов до сих пор не оцифрованы. Где-нибудь хранятся оригиналы. Настоящие, на бумаге.

— Если протоколы найдутся, мы сможем установить, когда это было. И при каких обстоятельствах.

— Почему тебя это заинтересовало? Неужели еще один роман? И на этот раз исторический?

— Пока всего лишь любопытство.

— Ладно, постараюсь тебе помочь. Поговорю со служащей архива и свяжусь с тобой. Кстати, у меня тоже есть вопрос: что ты решил насчет Пако Рико? Может, сделаешь убийцей меня?

Я простился с ним и вернулся в библиотеку, к терпкому запаху старинной бумаги и кожи. Прямоугольники солнца на полу переместились и вытянулись, готовясь вот-вот погаснуть, а двадцать восемь томов Энциклопедии, стоящие на своих полках, погрузились во мрак. Старинная позолота тиснения на корешках уже не поблескивала, когда я провел по ним кончиками пальцев, лаская старую поблекшую кожу. Сюжет будущей истории уже сложился у меня в голове. Это произошло само собой, как обычно случается с подобными вещами. Я отчетливо увидел ее набросок со всеми коллизиями, завязкой и развязкой: серия

эпизодов напоминала пустые домики, которые мне предстояло заполнить мизансценами и людьми. Будущий роман зажил своей жизнью, а его главы поджидали меня в уголках библиотеки. Тем же вечером, вернувшись домой, я уселся сочинять. И записывать.

Их двадцать четыре, но в этот четверг присутствуют только четырнадцать.

Их двадцать четыре, но в этот четверг присутствуют только четырнадцать. В большое старинное здание они прибыли поодиночке, а кое-кто парами, одни в повозке, другие — большая часть — пешком. В вестибюле они толпились небольшими группами, снимая плащи, пальто и шляпы, прежде чем войти в зал для заседаний и устроиться вокруг большого прямоугольного стола, покрытого кожаной скатертью с пятнами воска и чернил. Трости прислонены к креслам, носовые платки выныривают из рукавов камзолов и исчезают обратно. Принадлежащая директору коробочка с нюхательным табаком и гербом маркиза на крышке переходит из рук в руки. Апчхи! Будьте здоровы! Благодарю. Снова кто-то достает платок и чихает. Вежливый гул, состоящий из покашливаний, шепота и комментариев вполголоса на тему ревматизма, воспалений, скверного пищеварения и прочих недугов заполняет первые минуты собрания, после чего, по-прежнему стоя, все произносят молитву «*Veni Sancte Spiritus*»¹, а затем усаживаются в кресла, чья обивка заметно попорчена временем. Самому молодому из присутствующих сравнялось полвека: суконные камзолы темных тонов, несколько сутан, полдюжины припудренных — или же без следов пудры — париков, бритые физиономии, чей возраст выдают морщины и пятна старости. Внешность присутствующих соответствует

¹ «Сойди Дух Святой» (лат.).

скромной обстановке, освещенной восковыми свечами и масляными лампами. Портреты покойного короля Филиппа Пятого, а также маркиза де Вильены, основателя Академии, возглавляют ансамбль гардин из выцветшего бархата, старого линялого гобелена, мебели, покрытой потемневшим лаком, и стеллажей с книгами и папками. С некоторых пор, несмотря на строгую еженедельную уборку, описанные предметы покрывает толстый слой сероватой пыли, наполнившей воздух в результате усердия каменщиков: Дом Казны, где его величество король Карл Третий великодушно позволяет собираться членам Академии, располагается в старом флигеле нового королевского дворца, в котором ведутся ремонтные работы. В Испании XVIII века, который к этому времени перевалил уже за свою последнюю треть, даже сам испанский язык и его знатоки переживают упадок.

— Книгу! — требует Вега де Селья, директор.

Дон Херонимо де ла Кампа, театральный критик и автор пространной «Истории испанского театра» в двадцати двух томах, неуклюже поднимается со своего кресла и бредет к директору, чтобы вручить ему двадцать второй том, последний из опубликованных. С любезнейшей улыбкой директор берет у него из рук книгу и передает ее библиотекарю, дону Эрмохенесу Молине, блестящему знатоку латыни и несравненно-му переводчику Вергилия и Тацита.

— Академия благодарит вас, дон Херонимо, за сей труд, который пополнит нашу библиотеку, — говорит Вега де Селья.

Франсиско де Паула Вега де Селья, маркиз де Оксинага — старший шталмейстер его величества. Это эlegantный мужчина, одетый по последней моде: его синий вышитый камзол и кафтан вишневого цвета с двумя цепочками от часов выделяются на общем

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Двое: высокий и толстяк	12
2. Опасный человек	62
3. Диалоги на постоянных дворах и в пути	94
4. О кораблях, книгах и женщинах	144
5. Город философов	199
6. Ярость аббата Брингаса	262
7. Тертулия на улице Сент-Оноре	317
8. Кабальеро из кафе «Прокоп»	374
9. Дело чести	429
10. Завтраки у мадам Дансени	483
11. Хозяин особняка «Монмартель»	531
12. Волчье ущелье	571
Эпилог	622